

ALEXANDRE II LIBÉRATEUR par PIERRE ALISSOFF

Prix: 1 fr.

АЛЕКСАНДРЪ II ОСВОБОДИТЕЛЬ

(Переведено на французскій и итальянскій языки).

Расятіе и пытки стали удѣломъ всѣхъ мужественныхъ и честныхъ людей въ Россіи. Въ полномъ разгарѣ XIX вѣка, на глазахъ у всей Европы, русское правительство свершаетъ тѣ вѣрства, передъ которыми становится омиа-момъ злодѣйства бани-бузуконъ, гекатомбы дагомейскаго короля. Испанская инквизиція во время Торквемады одна только даетъ приблизительное понятіе о томъ, что у насъ свершается всюду.

Я обращаюсь къ суду цивилизованной Европы; если въ ней на вѣки не умерли чувства чести, справедливости, гуманности, состраданія къ ближнему, она отзовется!

Вся Европа, не исключая Германіи, съ ужасомъ и отвращеніемъ отнеслась къ палачеству русскаго правительства; въ одинъ голосъ она произнесла, во время войны за освобожденіе славянъ: „Рабъ, себѣ съ ногъ своихъ кандалы — и тогда освобождай націи.....“ Она предчувствовала дикую развязку и презрительно улыбнулась надъ нашими лакейскими презамями, о дарованьяхъ свыше послѣ войны.....

За нашу кровь и великія жертвы намъ даровали черный столбъ съ веревкою и повіяя центральная тюрьмы; надъ нашими трунами на войнѣ издѣвались турецкіе башни-бузюки; послѣ войны, лучшую нашу молодежь выбросили въ живодерию, и съ цѣпей спустили на нихъ живыхъ, полныхъ огня и силы, нашихъ родимыхъ башни-бузюковъ!!... Еще одна такая побѣда, еще одно освобожденіе и мы сольемся вполне съ азіатскими наріями и раздѣлимъ ихъ свѣтлое будущее.

Въ англійскомъ парламентѣ энергичскіе люди четыре раза требовали вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, требовали протеста и изобличали, на позоръ всему міру, русское правительство въ его чудовищныхъ звѣрствахъ

Пусть клерикалы и разныхъ шертей роялисты, смотрящіе на Россію, какъ на землю обѣтованную, прочтутъ внимательно мою статью.....

L'histoire est un bain aujourd'hui.

В. Гюго.

.....Надгробное рыданіе
По людямъ убіеннымъ за родину,
За любовь къ волѣ человеческой.

Н. Огаревъ.

Николай I, всходя на престолъ, тотчасъ же употребилъ всѣ завѣщанія отъ него средства — сдѣлаться „незабвеннымъ.“ Онъ повѣсилъ пять декабристовъ, остальныхъ сослалъ въ Сибирь, но на каторгѣ онъ не тиранилъ своихъ беззащитныхъ жертвъ. Генералъ-губернаторъ Сибири Муравьевъ Амурскій, давшій имъ возможную свободу, боялся ответственности передъ Николаемъ, и, къ великому своему удивленію, не получилъ даже выговора, а услышалъ слѣдующія, удивительныя слова: „Я для примѣра долженъ былъ къ нимъ отнестись строго, но я не хочу ихъ карать теперь: они и такъ наказаны!“

Николай сослалъ (навѣрное тоже для примѣра) на десятилѣтнюю каторгу кружокъ Петрашевскаго за проникновеніе идеями Фурье, Кабе и за прочтеніе вслухъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

Николай носилъ на могучихъ плечахъ незабвеннѣйшую, мѣдную голову; мѣдь, изъ которой отлита была его голова, годилась бы по звонкости, упругости звука и прочимъ качествамъ не для трона, но для лучшаго колокола, лучшей церкви первопрестольной столицы нашей Москвы. Онъ вѣровалъ очень искренно, что самодержавіе подъ ручку съ православіемъ, окруженныя дремучими лѣсами розогъ, могутъ спасти наше дорогое отечество. Онъ гналъ съвозъ строй всю Россію, не прерывая этого филантропическаго занятія даже ночью. Путь самодержавнаго прогресса былъ усѣянъ отрепанными пучками розогъ, былъ всыпанъ кровью отечественныхъ задовъ. Никогда неразсуждающій солдатъ, онъ стремился сдѣлать 80-милліонное царство неразсуждающимъ солдатомъ. Идеаль Николая былъ такой же мѣдный и выколпванный, какъ его голова. Раскрутливъ невѣжда, не прочитавшій во всю жизнь ни одной книжки, онъ съ остереженіемъ

гнать литературу; литература и декабристы были для него синонимами. Цѣлый день онъ носился на бѣгомъ конѣ, и его уста гремѣли: „Благодарю, ребята!“ „молодцы!“ „хорошо!“ Или же изъ царственныхъ устъ, какъ изъ жерла Везувія, выривались шипѣнія, клокотанія, сѣрные пары и дымъ; за ними, немедленно, слѣдовали разрушительныя сотрясенія: у виновныхъ очень тщательно отдирали мясо отъ костей; они прогуливались между тысячами солдатъ, вооруженныхъ прутьями.

Севастопольская война обрушилась грозкою на главу нашего мѣднаго всадника; въ нѣсколько лѣтъ идеаль, не смотря на его металлическія свойства, разлетѣлся безъ остатковъ; самодержавіе и православіе узрѣли себя заплеванными. Не удалось спасти отечества острогами, крѣпостями, рабствомъ, кнутами. Ни отдѣленіемъ, цензурами, закрытіями университетовъ. Царское „быть по сему“ не привело ровно ни къ чему...

Мѣдный всадникъ проигралъ всѣ ставки и очень вѣжливо попросилъ своего домашняго врача угостить его ядомъ... неоцѣненный домашній врачъ угостилъ, и мѣдная голова поконтелъ въ металлическомъ саркофагѣ, въ назначеніе своему потомству.

Суровый приговоръ прѣзрела надъ оочившимъ мѣднымъ всадникомъ очнувшаяся отъ безконечныхъ пороковъ Россія. Отовсюду зашумѣли голоса: „Браудмейстеры!“ „Вспеѣльники!“ „Экзекуторы!“ „Царственный чурбанъ!“ И много, очень много еще болѣе лестныхъ, игривыхъ и совершенно нецензурныхъ кличекъ и выраженій. Зашумѣніе вѣрноподанные ясно показали, что нельзя очень пристраститься къ вѣчному лежанію на скамьѣ, подъ розгами...

Не по кровавымъ ступенямъ, но по роскошнымъ, бархатнымъ коврамъ вззошелъ на оозоренный тронъ Александръ II — освободитель. Насколько глазами железа Николая были дѣвственно уируги и свѣжи, настолько глазами железа сына оказались рыхли и расположены къ катарральнымъ истеченіямъ. Это удивительное въ домѣ Романовыхъ устройство железокъ предрекало славное, сантиментальное царствованіе. Новый монархъ, еще до трона, чувствовалъ позывъ къ вину, клубничкѣ и реформамъ, съ тою разницею, что реформы онъ любилъ умѣренныя, пьянство и питаніе клубничкою — необузданными. Новый царь зашалилъ реформами. Царь и правительство — что очень рѣдко случается — занялись арифметическими выкладками: „гораздо лучше — разсуждали они — освободить крестьянъ, оставивъ ихъ голыми-нищими, сбывъ пшъ по дорогой цѣнѣ негодную землю, чѣмъ дожидать той благословенной минуты, когда они съ дреколями и ножами въ рукахъ перебьютъ и перерѣжутъ всю опору государственную, лучшихъ хранителей трона. Гораздо пріятнѣе, и на видъ благообразнѣе грабить Россію, съ широкимъ участіемъ безсловеснаго земства, чѣмъ съ помощью чиновниковъ, которые черезъ чуръ не забываютъ себя, и тѣмъ конкурируютъ государственной благой опеѣ. Что же касается до суда надъ несчастнымъ Трифономъ или Степаномъ, то не все ли равно, кто засудитъ

ихъ, полиціи или гласный судъ! Мы ровно ничего не проигрываемъ, но огромно выигрываемъ передъ державами и нашими несравненными вѣрно-подданными. Но совсѣмъ другое, когда дѣло дойдетъ до обузданія нашего самодержавія, до отвѣтственности министровъ, таинственныхъ нашихъ владѣній въ III отдѣленіи — тутъ все пойдетъ по старому: съ политическими преступниками мы расправимся по своему; дѣло идетъ не о Россіи, а о нашемъ спокойствіи!... Мы закуемъ мысль въ стальные цѣпи, запрячемъ ее подъ семь кованыхъ замковъ.“

Полилось шампанское, полились слезы, полились и реформы!!!

Заликовали столбы государственные, узрѣвъ неизрѣченную глузость вѣрноподанныхъ. Отборные ипскари и негодныя влотницы, тучами, вилля хвостиками, понесли на царскую удочку... понесли они даже не на червячка, а на хлѣбныя крошечки!... Заликовали подданные отъ всерадостной мысли, что имъ позволили быть громадно глупыми... Сказочное время переживала моя святая родина: изъ Лондона (о, золотое время вѣры и довѣрія!) отправились письма къ императору и императрицѣ; идиллією дышали письма, въ нихъ говорилось о широкихъ реформахъ, о великомъ царскомъ предназначеніи. Государь прочелъ письмо и омочилъ его катаральною слезинкою. Если сердца грозныхъ агитаторовъ на время смягчились, то до какого размягченія дошли сердца патріотическія, — ни рассказать, ни перомъ ни описать!... Дорогая Русь!! Непечерпаемая залежь безкорыстнаго, безупречнаго холонства таятся въ вѣдрахъ твоихъ, ничто передъ ними твои желѣзные рудники, серебро и золото, даже крохами кажутся массы зерноваго хлѣба, выпускаемая тобою въ далекіе края!... Но отрезвѣли ли послѣ патріотическаго угара отечественныя мирныя стада?... Послѣ кабачныхъ пиришествъ заскребли ли у нихъ кошки на сердца?.. Пошли ли малолѣтніе патріоты, что безжалостно-нагло дурачили ихъ реформашками, что и не спилось никому обновлять націю? Все велось и свелось на гумозные пластыри, клистиры съ мыломъ и деревяннымъ масломъ и провочистительное... Заинѣло ли въ ихъ думяхъ неукротимое негодованіе, когда злодѣйства начали смѣняться злодѣйствами, иди ересчедо!... Нѣтъ! патріотическое большинство до настоящей минуты валяется, угорѣлое, въ ногахъ императорскихъ; рабы ползаютъ, съ чадомъ въ головѣ, по полу и бормочутъ бессмысленныя слова: „мягкая, гуманная личность,“ „все несчастіе въ слабохарактерности,“ „онъ сбиваемъ съ толку придворными,“ „его запугиваютъ,“ „его нервы въ конецъ разстроены!“ Эти фразы — не выдумка, ихъ слышалъ сотни разъ каждый. Разберемъ эти летучія характеристичныя: „мягкая личность.“ И не смотря на это, она подмахиваетъ сотни злодѣйскихъ приговоровъ!... Я не помню ни одного случая, гдѣ бы эта царствующая мегера смягчила приговоръ. Если было возможно, онъ усиливалъ приговоръ; въ послѣднихъ политическихъ процессахъ онъ воспользовался святымъ правомъ миловать и перемѣнялъ разстрѣливаніе

на впеѣнцу... „Все несчастіе въ слабохарактерности.“ Когда дѣло идетъ о широкихъ реформахъ,—онъ первѣнственъ; когда дѣло зайдетъ о воруемыхъ и куралесящихъ министрахъ, Муравьевыхъ, Апраксинныхъ, Дренякинныхъ, засѣкающихъ политическихъ преступниковъ Треповыхъ, Митрофанѣвъ Струбергахъ, Шумахерахъ,—онъ слабохарактеренъ; но когда дѣло коснется Каракозова, Нечаева, тайной пропаганды—онъ черезъ чуръ характеренъ!!... „Онъ сбиваемъ съ толку придворными.“ Если такъ, то зачѣмъ эта пѣснь, этотъ гимнъ называется самодержцемъ? Зачѣмъ пассивному, рыхлому ничтожеству — царь-границы выдають 30 милліоновъ ежегоднаго содержанія!? „Его задушиваютъ, у него нервы въ конецъ разстроены.“ Въ такомъ случаѣ на что нуженъ Россіи ребенокъ, боящійся страшныхъ сказокъ, кричащій отъ нихъ во снѣ? Русскій тронъ не лазаретнаго постель. Сдайте въ бокалъ выжившаго изъ ума стараго, запуганнаго, неизлечимо больного ребенка. Самодержавные, разстроенные нервы разстроили въ конецъ всю Россію, разстроили въ конецъ здоровье тысячъ молодыхъ людей!!..

Поверхностный, чуть прикасающійся къ предмету обзоръ покажетъ господамъ-патриотамъ, что Александръ II и перемежающееся правительство — одурѣвшіе злодѣи, которыхъ не оправдываетъ ни время, ни окружающая ихъ жизнь, и которыхъ, можетъ быть, впоследствии оправдаетъ психіатрія. Александръ II отлывается тѣмъ старушечьимъ, мелкимъ, чорствымъ зѣвствомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ размахнута зѣвства Николаи. Александръ II — достойная конія съ достойнаго своего наставника, Якова Ростовцева. Ростовцевъ запаривалъ до смерти несчастныхъ кадетъ, и въ то время, когда ручьи крови лились изъ жертвы и раздавались хрипые, затихающіе стоны, онъ горько плакалъ и говорилъ: „Мнѣ жаль тебя, но я исполняю долгъ мой.“ Николаевскія злодѣйства не замаскировывались такъ тщательно, не закутывались игрою въ судъ, не заговаривались адвокатами, не замазывались отводящими глаза подачками, смертельный ядъ не подслащивался! Во времена Николая слѣпой произволь душилъ и не кривился передъ жертвою. Въ царствованіе Александра слѣпой произволь, заступивъ раскаленнаго до бѣла щипца во внутренность жертвы, рветъ и жжетъ все внутри и, благобно улыбаясь, сладко лелечетъ о печальной необходимости. Только сотая часть злодѣйствъ свершается откровенно напрямикъ,—все остальное мерзко, до безумія жестоко—во мракѣ. Молодежь не такъ часто, какъ многіе думаютъ, умираетъ по тюрьмамъ; но за мѣсяцъ, за недѣлю до смерти несчастнаго юношу выпускаютъ умирать на свой счетъ; за часъ до смерти ему даютъ полюбоваться солнышкомъ, свободой; за часъ до смерти его легкія вываютъ свѣжій воздухъ. Молодежь додерживаютъ по щелямъ остроговъ до яркихъ признаковъ идиотизма или сумасшествия и, во избѣжаніе скандала, выпускаютъ съ ума сходить на свободѣ, въ своей семьѣ. Людей ни въ чемъ неповинныхъ, но смѣющихся быть знакомыми съ опасными людьми, сдаютъ подъ присмотръ полиціи,

подвергають административнымъ высылкамъ; подвергнувшіеся этой невинной процедурѣ, обречены на тихое угасаніе въ пустынныхъ дебряхъ, безъ книгъ, средствъ, людей, съ строгимъ запрещеніемъ добывать себѣ средства къ жизни; если административная жертва—докторъ, онъ не имѣетъ права лечить; учитель не имѣетъ права давать уроковъ. Но если онъ самъ не имѣетъ ровно никакихъ правъ, то за то всѣ, до послѣдняго будочника, имѣютъ надъ нимъ права безъ границъ. Въ медленной, нестерпимо мучительной агоніи погибаетъ молодая, полная огня и силы жизнь; но этотъ родъ гибели—сравнительное блаженство, это удѣлъ слегка заподозрѣнныхъ, ни въ чемъ не уличенныхъ личностей.

Я не стану разсказывать о поразившихъ Европу чумныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ во время польскаго возстанія; на бѣдную страну была напущена сѣдая гѣна; четверть націи была переселена въ Сибирь и заходустыя. Во время разгара вѣшанія Муравьевъ получилъ отъ Александра только одно знаменательное слово: „свирѣпствуйте...“ (sévisez). Я не стану говорить о заѣданіи цѣлыхъ племенъ на Кавказѣ, итъ! я приблизительно подведу итогъ роднымъ намъ по плоти и крови жертвамъ. Польскую вѣшанцу силіясь оправдать необходимостью, — домашнія злодѣянія оправдать не чѣмъ. Нашъ царь и правительство не люди, по ворона, питающіеся падлою..

Въ 1861 году Безднискія злодѣянія. — Крестьяне, послѣ удивительнаго освобожденія, ясно почувствовали, что имъ дарована завидная свобода умирать съ голода и холода на отведенныхъ имъ, по очень дорогой цѣнѣ, пескахъ и мѣлѣ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ мѣлъ и несокъ оказались очень безукоризненными, крестьяне начали волноваться; во время подобныхъ волненій являются обыкновенно вдохновенныя великія личности, воплощающія въ себѣ заветныя мечты и желанія народа и способныя геройски умереть за народъ. Океанъ во время своихъ страшныхъ бурь часто, говорятъ, выбрасываетъ драгоценныя жемчужины. Въ Казанской губерніи. Сласскаго уѣзда, селѣ Безднѣ, крестьянинъ Антонъ Петровъ утверждалъ, что обнародованный манифестъ фальшивый; говорилъ, что земля принадлежитъ крестьянину, что пришелъ желанный конецъ страшнымъ податямъ и рабству. Только что извѣстіе объ этихъ возрѣвѣяхъ дошло до Казани, предержавшая власть напустила на село Бездну убійцу—графа Апраксина съ ротой дѣбировскаго полка. Апраксинъ принадлежалъ къ тѣмъ незаѣдливымъ людямъ, которые подъ словомъ усмиреніе подразумѣваютъ выворачиваніе внутренностей и сдираніе кожи; ихъ краснорѣчіе и правосудіе—штыки и пули. Апраксинъ, прибывъ въ Бездну, потребовалъ у собравшагося народа выдачи Антона Петрова; народъ отказался выдать своего заступника, говоря: „онъ добрый, тихій человекъ и стоитъ за правду.“ Апраксинъ рѣшилъ стрѣлять по народу.—Черезъ часъ все было кончено. Пискальченныя крестьяне валялись съ глухими стопами на площади. Во время разгара убійствъ, чтобы прекратить ихъ, Антонъ Петровъ самъ

отдался въ руки изверговъ. 120 человѣкъ были убиты на повалѣ, 72 человѣка умерло въ страшныхъ мукахъ отъ ранъ до прибытія врача; многіе изъ бѣжавшихъ отъ пуль утонули, провалившись на льду. Врачъ грѣхалъ черезъ 3 дня, но подать помощи не могъ: онъ забылъ хирургическіе инструменты, они прибыли черезъ двѣ недѣли... Полевой военный судъ притворился Антономъ Петровымъ, за его мечту о свободѣ, за его свѣтлый взглядъ на дая, котораго онъ не считалъ способнымъ издавать обнародованный имъ манифестъ, къ разстрѣливаю; 12 пуль такъ были дурно направлены, что не могли убить истощеннаго, отъ природы слабого, человѣка; пуля въ упоръ покончила адскія муки. Александру по душѣ пришлось аираксинская расправа, онъ началъ входить во вкусъ: *Garretit vient en mangearit*.

Въ томъ же году генераль Дрепанкинъ въ Пензенской губерніи, усмиряя ничѣмъ не обнаруженное, но глубоко подозрѣваемое имъ волненіе, убилъ 9 человѣкъ, 28 тяжело ранилъ, 30 прогналъ сквозь строй и 22 человѣка сослалъ на поселеніе.

Въ 1875 г. въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Киевской губерніи, 200 семействъ, послѣ ужасающихъ кровавыхъ пороковъ, были закованы въ кандалы и сосланы на поселеніе въ Сибирь. Все преступленіе крестьянъ заключалось въ томъ, что они не хотѣли брать въ надѣлъ по огромной цѣнѣ великолѣпныя песочныя розсыпи, не хотѣли, не смотря на штыки, признать чудный песокъ чуднымъ черноземомъ.

Не даромъ Александръ сказалъ московскому дворянству: „пусть лучше реформы идутъ сверху, чѣмъ снизу.“ Онъ правъ и способенъ въ рѣдкихъ случаяхъ быть даже логичнымъ (самосохраненіе—вещь великая!), для него и правительства лучше пули и штыки сверху, чѣмъ ножи и дреколья снизу. Что же дѣлать, если интересы воюющихъ сторонъ такъ фатально расходятся!

Въ 1861 году аресты и бойни студентовъ. — За невинный протестъ студентовъ петербургскаго университета противъ новыхъ стѣснительныхъ правилъ университетъ былъ закрытъ; сотня молодыхъ людей была засажена въ Петропавловскую крѣпость, около двухъ сотъ были перевезены въ Кронштадтскую. Московскіе студенты, возмущенные этими арестами и новыми правилами, послали депутатовъ къ своему попечителю, просить принять адресъ къ государю; попечитель не принялъ; они силою вошли въ профессорскую залу къ попечителю и заявили свои требованія. Ночью начались аресты. На слѣдующій день большая толпа студентовъ, узнавшая объ арестахъ, рѣшилась идти съ жалобой къ генераль-губернатору; 200 человѣкъ пошли по Тверской улицѣ, но на площади, противъ дома генераль-губернатора, произошло кровавое избіеніе: изъ засады на студентовъ бросились верхами жандармы, они хватали всѣхъ безъ различія, били, разбивали лица, волочили несчастныхъ по землѣ; одного студента удавили шарфомъ, другого ударили тесакомъ по головѣ, онъ упалъ замертво и былъ раздавленъ наѣхавшимъ жандармомъ. Пока шла ловля, плѣнныхъ

загнали на большой дворъ Тверской части и, не смотря на морозъ, съ нихъ стащили шинели; они стали голодные, рискуя жизнью, съ 11-ти часовъ утра до перваго часа ночи. На дворѣ произошли сцены такого свирѣпаго характера, что перестаетъ довѣрять неотразимымъ документамъ, сохранившимся по этому дѣлу: жандармъ ударилъ большого и чрезвычайно слабого студента въ лицо, разбилъ очки и стекла вошли въ глаза несчастнаго; тесаками измялъ грудь другому студенту и полумертваго бросилъ на дворъ Тверской части, онъ умеръ вскорѣ въ клиникѣ съ восемью другими избитыми и искалѣченными. Монарху-реформатору эти сцены показались недостаточно энергичными: гуманность и либерализмъ были недостаточно размахисты! Онъ приговорилъ десятки къ ссылке въ отдаленныя губерніи, десятки — къ исключенію изъ университета, десятки отдалъ на забаву кроткой жандармеріи и стыдливо мягкой полиціи. Наблюдательный чело­вѣкъ могъ уже предвидѣть, что изъ этихъ сѣверныхъ, густо уродившихся цвѣточковъ, впоследствии разовьются роскошныя нунцовыя плоды, въ родѣ пѣбіенія на казанской площади въ Петербургѣ въ 1876 году.

Въ 1863 г. въ Казани за распространеніе возваній и ложнаго манифеста были сначала выморены въ острогѣ, а потомъ разстрѣляны въ Подлужной слободѣ на площади: Иванцкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ Киневичъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ на той же площади разстрѣляли пойманный въ Польшѣ по тому же дѣлу, Чернякъ. Приговорены къ 15-ти лѣтней каторгѣ: Олехновецъ, Маевскій, Госценичъ и Иванъ Орловъ; десятилѣтней каторгѣ—поручикъ Михайловъ, послѣ мучительнаго двухлѣтняго заключенія; 4-хъ лѣтней каторгѣ—Элиидинъ, Вулгаковъ и проч...

Въ 1865 г. сосланъ въ Сибирь на вѣчное поселеніе Серно-Соловьевичъ за сношеніе съ лондонскими изгнанниками и за пріютъ, данный Кельсиеву, во время его тайнаго пріѣзда въ Петербургъ. Дорогой въ Сибирь онъ заболѣлъ, но продолжалъ путь, часто падалъ отъ страшнаго изнеможения; во время одного изъ паденій черезъ него переѣхала тройка, везшая ссыльныхъ. Онъ былъ свезенъ въ Иркутскую больницу и тамъ вскорѣ умеръ... Великій счастливецъ!!...

Въ 1866 году рядовой Невѣдомскій, за оскорбительныя слова противъ кроткаго и милостиваго монарха, приговоренъ къ семилѣтней каторгѣ.

Въ 1866 г. Мосоловъ, Шатловъ, Лебядинскій сосланы въ Сибирь на поселеніе за распространеніе никому невѣдомыхъ возваній.

Въ 1866 г., 4 апрѣля карманный ворюшка изъ костромскихъ лѣсовъ помѣшалъ понасть въ царя. По дѣлу Каракозова во всѣхъ углахъ Россіи и въ столицахъ было привлечено къ допросу не менѣе 5 тысячъ чело­вѣкъ; полиція и жандармы носились какъ бичи божьи по столицамъ, врываются по ночамъ въ квартиры заподозрѣнныхъ, ломали полы, сдирали обои, потрошили мебель, остукивали съ спиритическимъ энтузіазмомъ потолки, стѣны и такъ тщательно осматривали до гола раздѣтыхъ заподозрѣнныхъ, что

ить могли бы позавидовать лучшіе доктора (ислѣдованіе заднепроходной кишки они довели до послѣднихъ предѣловъ научнаго совершенства). Квартиры, по уходѣ полиціи, представляли тоже, что болгарская деревня послѣ бани-бузуковъ. Крѣпости, полиціи, тюрьмы были переполнены не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ. Очумѣлый, пьяный отъ польской крови Муравьевъ былъ назначенъ предѣдателемъ живодерни. Осужденные подвергались безпощаднымъ униженіямъ, побоямъ; ихъ тиранили, моря голодомъ по гнилымъ подваламъ и ямамъ; ихъ не кормили, но имъ отгармливали миллиарды клоповъ, вшей и блохъ; ихъ занутили, сбивали на допросѣ, розсѣкивая и сваявая фантастическія нити фантастическаго дѣла; розсѣкивали корни чуть не въ Пугачевскомъ бунтѣ; доведеннымъ до полнаго отчаянія подсудимымъ грозили висѣльцами, вѣчною Сибирью. Сотни вышли съ неизлечимыми недугами, сотни съ зачатками сумасшествія. Какую мрачную жизнь ужаса и безконечнаго страданія пережили матери, отцы, сестры и братья заключенныхъ! Этому въ тиши пережитому страданію не суждено никогда вполне обнаружиться; только глубоко страдавшій и глубокомыслящій человекъ можетъ подняться воображеніемъ до отдаленнаго пониманія этого страданія... Слезы, проклетія застались, ушли внутрь жизни, но въ живой природѣ, какъ и въ мертвой, ничего не пропадаетъ безслѣдно!...

Къ вѣчной каторгѣ приговоренъ Иштунъ, къ 20-лѣтней — Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ; 8-лѣтней каторгѣ — Николаевъ, 6-лѣтней — Загибаловъ, Шагановъ, Мотковъ; вѣчному поселенію въ Сибири — Худяковъ, Малпичъ, Линичъ, Александръ Ивановъ, Федосѣевъ, Марксъ, Маевскій, Шестаковъ, Лаунгаузъ и проч. Каракозовъ, пожизненный неизлечимымъ болѣзнями еще до выстрѣла, былъ подвергнутъ пыткамъ: умирающаго человека драли розгами, били; закованному съ ногъ до головы въ цѣпи плевали въ лицо, и когда, затерзанный до послѣднихъ предѣловъ, онъ, чтобы какъ можно скорѣе покончить съ собою, отказался отъ пищи, его питали клистирами; въ немъ искусственно поддерживали жизнь, чтобы страшнѣе истерзать, надѣясь вынудить обвиненія, признанія, но желѣзный человекъ, выходя въ безмятежность отъ мукъ, даже въ бреду не проговорился. Ненавистью и презрѣніемъ дышали его краткіе отвѣты; полуживой страдалецъ не сдвинулся ни на секунду, не согнулся передъ безчисленными лютыми палачами... Чуть шевелящіеся остатки человека приговорили къ висѣлицѣ Александръ II расчеркнулся на смертномъ приговорѣ и, можетъ быть, — о, крововая иронія! — даже оросить слезою приговоръ. Изглоданный грузъ вывѣсили на площади, въ урокъ грядущимъ великимъ безумцамъ.

Въ 1871 г. дѣло Писаева. — За посланіе на государственный строй къ суду были привлечены снова тысячи человекъ, снова были пущены въ ходъ предварительные аресты, побои, замариваніе голодомъ, холодомъ, гнилымъ смрадомъ подваловъ. Предварительное заключеніе вошло болѣшинство въ чахотки, нервныя болѣзни, идиотизмъ. Чудовищные приговоры

обрушились на главных виновников: Успенского, Прижова, Кузнецова; 20-летняя каторга, 20-летняя крѣпость, вѣчное поселеніе. Громадное число безъ вѣсти запропастилось по невѣдомымъ угламъ нашего великаго пространства отечества.

Въ 1872 г. былъ взятъ силою изъ Швейцаріи Нечаевъ; его считали способнымъ послѣдовать примѣру Каракозова съ тою разницею, что въ Нечаевской рукѣ предполагалось болѣе твердости, этого было достаточно, чтобы не пожалѣть никакихъ денегъ для подкупа, никакихъ интригъ и мерзостей для поимки врага. Разыгралась надъ нимъ Каракозовская процедура: его сбили, били по щекамъ, тиранили день и ночь, и прочли приговоръ на площади, какъ надъ чернымъ убійцею. Отравленъ ли онъ? Затерзанъ? Убитъ?—Никто не знаетъ. У насъ нѣтъ для политическихъ преступниковъ уголовныхъ законовъ, а есть физическіе законы: чѣмъ энергичнѣе виновный, тѣмъ энергичнѣе расправа.

Журнальные размѣры статьи не позволяютъ мнѣ входить въ надрывающія душу подробности; я буду говорить приблизительными цифрами, но пусть не забываетъ читатель ни на секунду, что каждое дѣло, какъ бы оно мало ни было, сопровождалось нашествіемъ жандармскихъ и полицейскихъ инородцевъ, битьемъ, ломаніемъ, обетукиваніемъ; физическіе и моральные педуги были удѣломъ большинства осужденныхъ; слезы матерей, женъ, отцовъ, братьевъ обливали каждое изъ этихъ дѣлъ. Муки, разбой, бѣшенное самоуправство стоятъ, неотразимо, за каждою моею цифрою.

1874 г. Дѣло Долгушина о пропагандѣ въ народъ. — Послѣ двухлѣтней тюрьмы, сосланы на каторгу: Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ, Плотниковъ, Малиновскій. Едва живы Долгушинъ и Панинъ, остальные задохнулись въ зараженной атмосферѣ гнилыхъ подваловъ.

1876 г. 26 мая процессъ о распространеніи запрещенныхъ книгъ. Къ девятилѣтней каторгѣ приговоренъ крестьянинъ Александръ Осиновъ.

1876 г. 23 сентября молодая дѣвушка, Александра Бутовская, за недоказанное обвиненіе въ распространеніи запрещенныхъ книгъ, сослана на 4-лѣтнюю каторгу.

1876 г. 6 декабря демонстрація на Казанской площади, — Жандармы и полиція избивали до полусмерти тесаками болѣе тридцати совершенно невинныхъ личностей, бывшихъ при произнесеніи рѣчи въ соборѣ. Въ тюрьму ихъ вталкивали ударами въ грудь, голову и спину; дѣвушка была такъ же безжалостно, какъ и мужичинъ. Въ тюрьмѣ заключенныхъ топтали ногами. Въ числѣ убитыхъ и исковерканныхъ была беременная женщина, при послѣднихъ дняхъ. Нѣсколько человекъ приговорены къ 20-лѣтней каторгѣ (подробности можно найти въ любой русской газетѣ).

1877 г. въ мартѣ процессъ пятидесяти осужденныхъ за социально-ре-

волюціонную пропаганду. Въ числѣ осужденныхъ — 15 дѣвушекъ и женщинъ отъ 15 до 25 лѣтъ. Къ 10-лѣтней каторгѣ приговорено 3 человека, 9-лѣтней каторгѣ 6 человекъ, 6-лѣтней — двѣ дѣвушки, 5-лѣтней — одинъ; остальные сосланы въ смиренительные дома, крѣпости, въ дальнія губерніи.

Въ октябрѣ 1877 процессъ 192, тотъ процессъ, о которомъ газеты всей Европы выразились: „procès politique monstre.“ Болѣе двухъ тысячъ человекъ нѣсколько лѣтъ томидись въ заключеніи, ожидая гибели. По мрачнымъ слухамъ, носившимся въ публикѣ, нѣсколько человекъ сошли съ ума, нѣсколько, за неимѣніемъ ничего въ рукахъ, зарѣзались разбитыми стаканами; время раскроетъ все! ! . . .

На судъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ приносили въ креслахъ, съ атрофированными членами; руки и ноги болтались какъ плети; полумертвые, изнуренные, они оставляли ужасное впечатлѣніе на публику. Когда Мишлени во время его защитительной рѣчи жандармы начали рвать ротъ и душитъ его платкомъ, нѣсколько женщинъ упали въ обморокъ.

Къ удивленію, процессъ кончился менѣе свирѣбо, чѣмъ остальные. Монархъ, слышавшій каждый день, во время пребыванія въ „Студнѣ“, о героическомъ, самоотверженномъ поведеніи въ больницахъ молодыхъ дѣвушекъ, заподозрѣнныхъ въ пингализмъ, почувствовалъ, — что почти невѣроятно, — угроженіе совѣсти. Только нѣсколько человекъ было сослано на каторгу: остальные, послѣ оправданія, замучиваются въ центральныхъ тюрьмахъ...

За процессомъ 192 наступаетъ переломъ. Невинно избиваемая тысячами, молодежь стала искать спасенія въ кинжалѣ и револьверѣ. Остатки разбойники, бѣгающіе съ завязанными глазами и ножомъ въ рукахъ, рѣжущіе всѣхъ встрѣчныхъ, сами, наконецъ, наткнулись на погѣ... Отчаяніе охватило несчастныхъ; запрещенная книга, найденная у подсудимаго, сулила ему три года тюрьмы до суда, и затѣмъ гибель въ замерзлой пустынѣ... Не только участіе, но и знакомство съ революціонерами — смерть въ тюрьмѣ.

Кинжалъ сталъ единственнымъ, логическимъ орудіемъ освобожденія.

Отъ февраля 1878 до декабря 79 свершились событія, оглушившія громомъ Европу, навіѣи завлейившія правительство освободителей тавромъ каторжника. Они покрыли его позоромъ и кровью, которыхъ не смоятъ никакія очистительныя жертвы... Это тѣ пятна невинной крови, которыя вмѣстѣ съ кожей старалась стереть съ своихъ рукъ, въ ночномъ кошмарѣ, леди Макбетъ, говоря: „океаны чистой воды не смоятъ этихъ пятенъ, отъ нихъ волни заплещутъ кровавыя...“

Первый раздавшійся въ Россіи выстрѣлъ заставилъ Европу забыть на нѣсколько дней славянской вопросъ, всѣхъ царей, дипломатовъ, всю политическую жизнь Европы.

Замученная по тюрьмамъ, молодая дѣвушка, узнавъ о страшномъ испытаніи въ тюрьмѣ Боголюбова и видя индифферентизмъ не только въ правительствѣ, но и въ обществѣ, рѣшилась пожертвовать своею жизнью и показать, что Россія не силою могла, что нельзя безнаказанно затерзывать беззащитныхъ. Слабая дѣвушка, на нѣкоторое время, заставила Европу задуматься надъ нашимъ будущимъ. Французская радикальная пресса оцѣнила неслыханный въ исторіи подвигъ великаго самоотверженія...

Душа дрогнула у присяжныхъ; не смотря на свои пожилые лѣта и консерватизмъ, они вынесли оправданіе Вѣрѣ Засуличъ. Держащіе въ рукахъ „громы земныя“ сенаторы, министры, чуть не жандармскіе служители, охваченные всеобщимъ восторженнымъ движеніемъ, аплодировали праведному суду. Предсѣдатель ни на секунду не прервалъ адвоката, во время его безпощадной рѣчи, раскрывающей все сказочныя преступленія, свершаемыя всюду безотвѣтственными III отдѣленіемъ. Послѣ оправданія жандармы опомнились и хотѣли силою взять Вѣру Засуличъ и задуть ея въ крѣпости, но молодежь отстояла ее, и студентъ Завадскій былъ убитъ жандармомъ.

Монархъ пришелъ въ ярость, поцѣловалъ тюремнаго палача и перевелъ его чиномъ выше въ Государственный Совѣтъ.

Получивъ оплеуху отъ суда и русскаго общества, онъ себѣ самъ далъ другую — болѣе звонкую, свершивъ этотъ незабвенный поступокъ.

При полномъ снѣгѣ дня, на многолюдной улицѣ, былъ убитъ яничаръ Мезенцовъ, другъ царя. Бывъ помощникомъ шефа жандармовъ, онъ былъ замѣшанъ въ громадномъ дѣлѣ Мясниковыхъ о поддѣлкѣ духовнаго завѣщанія и векселей. Пользуясь своею неотвѣтственностью, онъ уморилъ въ крѣпости всѣхъ опасныхъ для него свидѣтелей дѣла. Въ другой странѣ онъ былъ бы сосланъ на вѣчныя галеры, у насъ онъ былъ вскорѣ пожалованъ въ шефы жандармовъ, и это логично: кто же — исключая каторжника — рѣшится взять эту должность, оберегающую „основы“! Сухой, свирѣпый негодяй, солдатъ и невольца, убійца по призванію, онъ затерзалъ по тюрьмамъ тысячи невинныхъ людей. Чудными строками охарактеризовалъ одинъ изъ мучениковъ своего палача:

Жизнію распутною всхолонный,
Нашею кровью вхоенный,
Жалости въ сердцѣ не вѣдавшій,
Пытки и казни проповѣдавшій.

Шедшихъ дорогой тернистою
Мявшій стопою нечистою,
Въ страшной неравной борьбѣ,
Вѣчная память тебѣ.

Память позорная
Мысли гонителя,
Память укорная
Злому учителю.

(Земля и Воля, № 1).

Съ этой кровавой отмѣткой на мѣдномъ лбѣ, ты явившись, подлый злодѣй, передъ судомъ Исторіи... Говори объ убитомъ Мезенцовѣ, монархъ произнесъ знаменитыя слова: „скоро честному человѣку нельзя будетъ выйти на улицу...“

Ты правъ, повелитель правдолюбивыхъ! мы желаемъ отъ всей души, чтобы честные люди, подобные тебѣ и Мезенцову, не могли выходить на улицу, чтобы они лежали смирно въ своихъ гробахъ...

Но иностранцы не должны удивляться, что, говоря о второмъ царѣ русскаго царства, шефъ жандармовъ, я указываю, что онъ поддѣлывалъ завѣщанія и векселя. Не только высшая административная сфера вся состоитъ изъ ненастныхъ воровъ, которые въ послѣднее время выкрадываютъ себѣ, втихомолку, громадныя имѣнія въ Польшѣ, но и сама царская семья поражена до мозга костей этимъ плачевнымъ недугомъ. Константинъ Николаевичъ настолько извѣстный всему міру воръ, что о немъ странно говорить; онъ грабитъ не только желѣзныя дороги, пароходныя общества, флотъ, но и не брезгаетъ кабаками; сынъ его ободралъ бриллианты съ иконы и обчистилъ столъ вора канаша. Подающій огромныя надежды ворышка билъ посланъ въ Ташкентъ усовершенствоваться.

Николай Николаевичъ во время войны за освобожденіе славянъ отъ грабительства турокъ, ограбилъ армію. Герои солдаты ѣли живыхъ червей, стрѣляли углемъ вмѣсто пороха, валялись некалеченные, покрытые ранами въ снѣгу, Н. Николаевичъ весело откладывалъ десятки милліоновъ на черный день, на бѣдность, и удѣлялъ довольно добросовѣстно незначительный процентъ своей дѣлкѣ. Константинъ и Николай Николаевичи считаются столбами, на которыхъ покоятся „основы семейства и собственности.“

Монархъ въ то время, когда ограбленная Россія жертвовала свои послѣднія лохмотья на войну, съ своихъ громадныхъ удѣловъ велѣлъ снять всѣ лежащія на нихъ государственныя налоги. Онъ беретъ изъ государственнаго казначейства развязно, съ видомъ человѣка, творящаго благодѣянія, все, что ему вздумается; мало 30 милліоновъ, возьметъ 60; неостуда взять, попроситъ взаимны у еврейскихъ банкировъ; съ презрительною усмѣшкою откажутъ — со злости выпуститъ нѣсколько сотъ милліоновъ бумажнаго навоза. Россія въ убыткѣ, онъ въ барышѣ; но Россія и существуетъ исключительно только для того, чтобы терять и быть въ убыткѣ. Всѣ, имѣющіе честь въ паспортахъ называться вѣрнооуданными, — его безгласные холоны; ихъ кровавыя деньги — его деньги. И тотъ

же самый монархъ день и ночь душитъ и душитъ молодежь по тюрьмамъ, увѣряя всѣхъ, что она шагаетъ собственнью...

Въ Россіи принципъ, послѣдовательность — дикіе звуки, „значеніе ихъ темно и ничтожно.“ Нужно вспомнить, что самый ярый защитникъ семейства у насъ былъ шефъ жандармовъ Потаповъ. Эта весталка, въ борьбѣ за семейную добродѣтель, получила много ранъ, и, не смотря на удивительныя дозы ртути и заѣмъ сѣрныхъ ваннъ, онѣ не проходили: ватжной спфилнсъ палъ на мозгъ, „потухъ огонь на алтарѣ“ и Потаповъ сошелъ съ ума; но, не смотря на это невниное обстоятельство, онъ почти до смерти бредилъ семействомъ и свирѣствовалъ въ качествѣ шефа жандармовъ.

Герои славянскаго освобожденія: Гурко, Тотлебенъ и пр. въ одну часть, тотчасъ по полученіи приказа отъ барина, выродились въ персидскихъ сатраповъ, и наѣрное мѣнѣ другихъ сознають безуміе этой метаморфозы.

Ни одно семейство въ Россіи — развѣ кто нибудь изъ его благородныхъ членовъ не служитъ въ жандармеріи — не можетъ спать покойно, ожидая съ минуты на минуту ночнаго нападенія хранителей семейнаго очага; имъ даны ключи съ правомъ визать и развѣшивать. Безграмотный солдатъ можетъ всякаго, кто ему не понравится, взять за шиворотъ и оттащить въ крѣпость, и пройдутъ долгіе мѣсяцы, пока догадаются, въ чемъ дѣло; недавно, въ Херсонѣ, урядникъ, живущій съ замужнею жепщиною и недовольный тѣмъ, что мужъ ея взираетъ не достаточно снисходительно, въ одну скверную ночь свелъ его въ крѣпость, какъ политическаго преступника, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, случайно, узнали о заключенномъ мужѣ и, убѣдившись, что онъ невиненъ, какъ голубь, освободили, при чемъ не забыли сдѣлать уряднику выговоръ. Верховные и нѣшіе жандармы, шпіоны и палачи на официальномъ языкѣ называются спасителями семейства, хранителями государственныхъ основъ...

Убитъ во время веселаго возвращенія съ бала харьковскій губернаторъ Кранотинъ, холонъ и палачъ. Во время его сатрапства, въ одну недѣлю скоростижно умерло около 200 человекъ политическихъ арестантовъ; онъ замучивалъ молодыхъ людей съ фанатическою жестокостію пенанскаго инклизитора; перечень его мрачныхъ злодѣйствъ былъ напечатанъ тайною прессою и прибитъ на стѣнахъ улицъ въ Харьковѣ.

Убитъ жандармскій полковникъ за то, что морилъ голодомъ политическихъ преступниковъ и безпощадно надѣвался надъ ихъ нестерпимыми мученіями.....

Раненъ прокуроръ Котляревскій, бѣшеннй песь, напущенный нравительствомъ на политическихъ преступниковъ; за деньги и чины онъ ихъ обвинялъ съ нѣною у рта и требовалъ для нихъ вѣчной каторги.

Убиты въ Одессѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ, Москвѣ и С. Петербургѣ 5 шпіоновъ.

Сдѣлано покушеніе на новаго шефа жандармовъ Дрентельня.

Въ Одессѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ людей, вооруженные револьверами и кинжалами, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ защищались отъ нападенія на ихъ квартиру, ночью, сотни жандармовъ.

Въ Кіевѣ нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ людей, вооруженные кинжалами, защищались отъ ватаги наившихъ на ихъ квартиру, ночью, хранителей основъ.

Въ Харьковѣ во время провоза политическаго преступника Омгина сдѣлана была попытка его освобожденія, съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ Москвѣ во время провоза политическихъ преступниковъ студенты сдѣлали имъ овацію и были избиты до полусмерти напятими полиціей мясниками. Гармоническій союзъ: мясники изъ ножовой линіи и правительство освободителей! Чудный каламбуръ, „разыгранный жизнью самой.“

При произнесеніи приговора надъ Ковальскимъ вооруженная толпа молодыхъ людей старалась его освободить.

Отыскано нѣсколько тайныхъ типографій. И наконецъ...

2 апрѣля Соловьевъ не попалъ въ царя. Ожирѣлый трусъ до того одурѣлъ отъ страха, что, не смотря на неуязвимую броню, сталъ дѣлать фантастическіе прыжки, достойные балаганнаго гаера, и затѣмъ съ быстротою 12 веретъ въ часъ удостоилъ прослѣдовать всю громадную площадь и растянулся, весь огаженный, на осчастливленныхъ имъ ступеняхъ дома Горчакова. Мстительный злодѣй и трусъ, онъ выместилъ свой страхъ и позоръ на несчастномъ Соловьевѣ. Англійскія и французскія газеты съ очень лестными комментаріями печатали о попыткахъ въ войлочной комнатѣ съ помощью электричества.

Когда я готовилъ эту статью въ печать, газеты со всѣми подробностями передавали событіе 1 декабря. Царскій поѣздъ былъ весьма неделикатно приостановленъ Мининимъ Сухоруковымъ. Полчаса и случай снасли монарха. 4-ое страшное предостереженіе получаетъ мучитель молодежи. Давно ли висѣльщи, мушкетеры, новыя биткомъ набитыя центральныя тюрьмы, сагранжеи, урядники, жандармы, дворники считались могучимъ талисманомъ, которымъ можно заговорить на вѣки святой гниль, кипящей въ груди у молодежи, заморозить въ ней человѣческія чувства. Не далѣе, какъ нѣсколько дней назадъ казалось, что палачъ съ веревкою можетъ спасти царя и III отдѣленіе.

Иди далѣе, послѣдній мотылекъ абсолютизма! и хотя у тебя будетъ свертываться кровь въ жилахъ отъ страха и подкашиваться ноги, напряги послѣднія силы и поразь, если можешь, міръ еще новыми ужасами; потанцуй, новый Блондены, еще разъ надъ сто-саженною пропастью на канатѣ, враги будутъ тебѣ горячо аплодировать! Иди быстрѣе, ты сходишь съ исторической сцены, и скользки стали облитыя кровью невинныхъ твои послѣднія ступени! . . .

Не даромъ монархическія государства, какъ утопающіе за соломен-

ку, цѣляются за Бога: они знаютъ, что когда умретъ Богъ на небѣ, за нимъ вслѣдъ умретъ послѣдній король на землѣ. Фантастическимъ будетъ казаться слѣдующимъ поколѣніямъ, что существовали нѣкогда жалкія, глупыя твари, обивающія себѣ лбы передъ чурбаномъ, выначканнымъ святымъ муромъ, съ дурацкимъ колюкомъ на верху.

Русская молодежь смотритъ на своего помазанника, не болѣе и не менѣе, какъ на пьянаго, одурѣвшаго и очумѣвшаго злодѣя, какъ на невыносимо вредное и бесконечно уродливое существо, каждый часъ жизни котораго есть смерть и гибель лучшихъ людей Россіи, у которыхъ онъ, въ лучшее время своей жизни, не достоинъ быть снятъ грязные сапоги.

Противъ этого вкраившагося въ душу возрѣнія можно нагородить цѣлыя горы подлой галиматъи, но высказать хоть одно здравое слово — не представляется абсолютно ни малѣйшей возможности. Въ царя можно вѣрить, какъ вѣрятъ въ муроточивыя головы, носы, зубы, молоко богородицы, но разсуждать о его божественныхъ качествахъ не возможно...

Видѣли ли Вы Александра II, самодержавнаго смичика? если нѣтъ, приглядитесь внимательно къ его послѣдней карточкѣ: обвислыя щеки, мутныя, злобныя глаза испуганной кошки; выраженіе всего лица, какъ будто онъ напряженно прислушивается и слышитъ легкіе шаги убійцы. „Магбетъ зарѣзалъ сонъ и отиышъ уже никогда не спать Магбету.“ Онъ трясется по ночамъ; его возить по Россіи съ арміей солдатъ въ желѣзной клѣткѣ, какъ гориллу. Но 1-ое декабря показало, что желѣзная клѣтка стала на положеніи броненосца послѣ изобрѣтенія торпеды. Логовище царя — Иивадія; сезоны перестали существовать въ Крыму съ того момента, когда Александръ очутился тамъ въ мартѣ мѣсяцѣ; море охраняетъ его тамъ съ одной стороны, лѣса изъ жандармовъ и шпионовъ съ остальныхъ; часъ суда уже давно пробилъ для него, порядочные люди — ихъ было такъ мало — отшатнулись отъ него, убійцы и воры приблизились: ему стоитъ свиснуть, и они поползутъ отъ него съ ножомъ въ рукахъ убивать перваго встрѣчнаго. Но союзъ съ убійцами не навѣваетъ сладкихъ сновидѣній, его безсонныя ночи, навѣрное, тревожить мысль, что они такъ охотно выполняющіе отъ него съ ножомъ въ рукахъ, могутъ такъ же охотно — кто больше дастъ — вползти къ нему съ тѣмъ же ножомъ въ рукахъ. Эта математическая выкладка была превосходно доказана Павломъ I.

Но не одни люди возстали противъ единственнаго на цѣлой половинѣ земнаго шара отживающаго абсолютнаго деспота. Въ Европѣ существуютъ теперь двѣ рѣдкости: зубръ въ Бѣловѣжской пушкѣ и Александръ на русскомъ тропѣ. Противъ абсолютизма возстала сама стихійная природа; близорукіе люди не замѣчали этого патиска, нужно было встать всемогущей наукѣ, чтобы доказать это. Докторъ Якоби въ своемъ оригинальномъ трудѣ: *De l'hérédité et de la sélection chez l'homme*^{*)}, который въ первомъ своемъ абрисѣ получилъ первую премію отъ Мадридской академіи, перелесты-

*) Въ журналѣ Мадр. Мед. Академіи за 1877 г. *France*, 5 янв. 1879.

вая исторію страницу за страницей, доказываютъ, что самодержцы не способны долго продолжать свой родъ, въ 4-омъ поколѣніи природа ихъ вышвыриваетъ за дверь; она увеличиваетъ ихъ идиотизмомъ или частенько короной венерія. Сильный деспотъ начинаетъ свой родъ, отличаясь энергіей, умомъ; 4 поколѣніе того же деспота не способно плодиться — хотя мудрость не велика — они сходятъ съ огромной сцены какъ свистаинные актеры, въ тьму, неизвестность... Человѣкъ, воля котораго никогда не обуздывается, — искусственный сумашедшій; эти выблудки природы слышать всю жизнь то, что слышалъ король Тиръ отъ своихъ придворныхъ: „у меня не было волосъ на бородѣ, они уважали мои сѣдины“ „они мнѣ говорили и да и нѣтъ въ одно и то же время, они говорили, что я всемогущъ, а лихорадка сильнѣе меня.“ Дворцовая логика ведетъ къ полному ослабленію умственныхъ силъ и воли. Искусственный сумашедшій передаетъ свое сумашествіе второму поколѣнію; оно его совершенствуетъ, натурализируетъ и затѣмъ 4 поколѣніе наслаждается благопріобрѣтеннымъ. Докторъ Якоби въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ доказываетъ безразличность природы къ деспотамъ, ни на волосъ не вдается въ тенденціозность — затѣмъ она ему — если выводы, и безъ того черезъ чуръ мрачныя, даетъ безцеремонная наука?

Дарвинъ, доказывая происхожденіе человѣка отъ обезьяны, мало заботился о томъ, что это лохматенькое, неряшливое и циническое существо заставило кувиркомъ полетѣть библію, евангеліе, божественныя происхожденія, непорочное постное зачатіе, короны, аристократическіе гербы и у корня подрѣзало нашу гниственную душу, которой мы такъ не позволительно долго гордились и увѣряли цѣлыя тысячелѣтія, что Егова вручилъ ее намъ а рагъ, обидѣвъ весь остальной великій животный міръ... О! великіе теологи, глубокіе философы, жалкая смерть ожидаетъ васъ; ваши боги погибли не въ борьбѣ съ титанами, — ихъ прихлопнула лохматая лапа обезьяны!!...

Въ настоящее время Россія, по приказанію полиціи и урядниковъ, предлагаетъ соорудить нѣчто грандіозное въ память 25-лѣтняго царствованія Александра II, Освободителя жандармовъ и шпионовъ. Если бы какииъ нибудь чудомъ можно было бы собрать всё черепя погибшихъ въ это мудреное царствованіе и сложить изъ нихъ пирамиду, я увѣренъ, что гнилая трясина, поддерживающая Петербургъ, не выдержала бы роковой тяжести; какой игрушкой передъ ней показались бы пирамиды изъ череповъ Тамерлана и Аттилы!

Послѣ выстрѣла въ царя начинается вальпургіева ночь деспотизма. Старую, рыхлую шкуру нужно было спасти во что бы то ни стало, хоть цѣною гибели цѣлаго молодого поколѣнія. Да здравствуетъ быкъ Навухадоносоръ и да погибнутъ люди! Ветхозавѣтная тьма охватываетъ Россію со всѣхъ сторонъ. Университеты закрываются, народныя школы подавлены, онѣ замѣнены рѣчами съ кафедры Исаіевскаго собора; земство от-

дано въ руки сатраповъ, жандармовъ; литература превращена въ публичный домъ; выброшенные намъ когда-то обглоданныя кости вырвали, съ пинками въ задъ, обратно и бросили въ навозную кучу. Суворины, Краевскіе, Катковы съ кучею талантливыхъ прохвостовъ наняты поденно III отдѣленіемъ съ приказомъ зарываться по унѣ въ навозную кучу. Литературныя проститутки сидятъ, ничего не дѣлая, въ тепломъ навозѣ и дѣлаютъ видъ, что разсказываютъ жемчужину; но день проходитъ за днемъ, и они, наконецъ, до того просочились вонью отъ навоза, что имъ стало казаться — какъ солдату въ повѣсти Гейне, проснавшему въ навозѣ — что весь міръ воняетъ; они стали доказывать, что это и есть то благое провидѣніе и то великое предназначеніе Россіи, о которомъ ратовали славянофилы и еще такъ недавно Соловьевъ въ „Трехъ силахъ.“

Все путается въ страшномъ хаосѣ: скачущіе урядники, дворнички жандармы, шпионы, сатраны, эшафоты; половина бюджета уходитъ на разбойниковъ и шпионовъ; обнищавшая страна платитъ, подъ ударами вымоченныхъ въ соленомъ растворѣ розогъ, послѣдніе гроши на собственную гибель, на содержаніе безчисленныхъ палачей; они врываются по ночамъ всюду, хватаютъ тысячами; до суда сотни умираютъ отъ голода, холода, сирости, физическихъ и моральныхъ недуговъ; полъ Россіи надѣваетъ трауръ; въ три мѣсяца сослано 20,000 человекъ; въ пять мѣсяцевъ 12 человекъ политическихъ преступниковъ повѣшено; казнь пошла страшный характеръ: на одной висѣлицѣ вѣшали тронхъ. Ненастные кровопийцы хотѣли, чтобы болѣе виновный изъ трехъ ждалъ смерти часъ и наслаждался послѣднею дрожью товарища друга, полюбовался высунутымъ, распухшимъ языкомъ, спинымъ, исковерканнымъ муками лицомъ; имъ мало висѣлицы, имъ нужно безконечно истомить поймавшагося въ ихъ звѣриніе котки, беззащитнаго страдальца предвзвѣщеніемъ висѣлицы.

Государство, тратящее около милліона на чистку царскихъ нужниковъ, экономитъ грошъ на веревку, бревно...

700 человекъ, самыхъ опасныхъ, повезли хоронить половину въ море, остальную на Сахалинъ, дикій, ужасный островъ, на которомъ въ нѣсколько дней могутъ умереть отъ голода и холода не 700 человекъ, но 70,000. Командиръ парохода писалъ сантиментальныя донесенія, и они съ поразительною наивностью перепечатывались нашею презрѣнною прессою; по его увѣренію, на нараходѣ царилла пастушеская идиллія; преступники наслаждались комфортомъ, о которомъ не смѣютъ мечтать пассажиры I класса „Messagerie Nationale“; они принимали холодныя души во время жары, питались кровавыми ростбѣфами, пили водку, испанскія и французскія вина, спали ночью на палубѣ и нѣсколько разъ въ день распѣвали молитвы съ пароходнымъ пономъ, моли Бога, чтобы онъ осѣнилъ крыльями ангеловъ благодѣтельствовавшего ихъ, но, не смотря на это, страдающаго безсонницей монарха, и лили слезы великаго покаянія всякій разъ, когда поцъ, на сонъ грядущій, въ яркихъ краскахъ, подобно проповѣднику Исаіевскаго собора, описывалъ моральныя страданія мо-

парха въ борьбѣ съ игилизмомъ. Во время остановки преступники поочередно посѣщали кафе-шантаны и умплялись пѣніемъ и танцами арфи-стокъ, нѣкоторые приглашали ихъ къ себѣ любоваться луною...

Но прованчская Англія разрушила быстро наступившую идиллію; пастушокъ и кроткіе барашки мгновенно исчезли въ чащѣ лѣсовъ... Заслуживающіе полнаго довѣрія корреспонденты „Times“ и другихъ очень солидныхъ журналовъ, въ одинъ голосъ заявили, что 700 человекъ политическихъ преступниковъ въ 45 градусовъ жары были брошены на дно парохода, въ смрадныхъ собачьи ямы, въ цѣлихъ, и что около 200 счастливецъ кончили свое веселое пугешествіе въ земной рай въ страшныхъ мукахъ.

Благородный голосъ раздался въ парламентъ, онъ требовалъ суда надъ русскими башибузками. При описаніи случившагося, были произнесены замѣчательныя слова: „такія злодѣяства требуютъ отщепенія.“

И закончу неслыханный мартирологъ неслыханнымъ происшествіемъ, которое извѣстно всей Европѣ, оно лучше тысячъ томовъ и памфлетовъ разъяснить тайну тайнъ нашей тюремной жизни; покажетъ, какаа лучезарная жизнь вывала у насъ на долю тысячъ молодыхъ людей, смѣющихъ быть честными и свободными. Занедозрѣнный въ политическомъ дѣлѣ Сомовъ пробилъ до суда три года въ крѣпости; въ одинъ вечеръ онъ, связанный, приподнялся на стулѣ до лампы, снялъ зубами раскаленное стекло, зажегъ себѣ одежду, легъ на соломенный матрацъ и началъ, безъ стопа и звука, закапирваться; онъ молчалъ, лежа на огненной постелѣ, боясь, что жандармы помѣшаютъ ему умереть. Почувль гарь, сбѣжалась стража тюрьмы и нашла его на половину обугленнымъ; изъ прожженного живота высовывался кишечникъ. Послѣднія его слова, передъ ужасною смертью, были: „жизнь политическаго преступника такъ странна, что я нахожу, что смерть въ огнѣ есть самый пріятный выходъ изъ нея...“

Огненные тучи собираются надъ нашею головою, онѣ несутся съ злоубщею быстротою, молніи прорѣзають мглу, судъ народа близокъ, и судя потому, что свершается передъ нашими глазами, онъ будетъ безуменъ и безпощадеиъ.

Насъ можетъ спасти только революція, иначе мы будемъ раздавлены натискомъ всей Европы; мы выпьемъ до дна горькую чашу, приготовленную намъ абсолютизмомъ; съ нами поступать какъ съ Турціей, и мы безсловесные, безсердечные, трусливые холоны заслуживаемъ этого вполнѣ...

Призываю тебя, святое мщеніе! Не медли, спаси мою родину, обрушься съ яростью и силою индѣйскаго урагана на этотъ невѣроятный, дикій міръ остервенѣлыхъ палачей; смѣшай ихъ кровь съ вонючею грязью и очисти невыносимо душную, чумную, могильную атмосферу русской жизни!..

Монархъ-мясникъ, заправлявшій бойнями, пальцемъ не шевельнувшій, чтобы остановить ихъ, по рассказамъ многихъ, склоненъ къ нѣжвымъ, семейнымъ чувствамъ, любимая тема сантиментальныхъ лакеевъ — любовь

монарха къ своей дочери. Неужели у пѣжнаго народа ни разу не мелькнула мысль, что у тысячъ несчастныхъ молодыхъ людей, приговоренныхъ къ страшной гибели, есть матери, отцы, жены, сестры, братья, друзья?... Одна слеза несчастнаго юноши для насъ дороже, значительнѣе цѣлыхъ ведеръ слезъ плаксиваго императора. Онъ за одинъ разъ слѣпо разлилъ отцевъ и дѣтей, старое и молодое поколѣнiе, — такое напачество скоро обратить консерваторовъ въ революціонеровъ! Неужели потому только, что его собственныя слезы текутъ изъ ослабѣвшихъ железокъ и такъ же не связаны съ душевными движеніями, какъ моча, онъ забылъ про настоящія слезы, которыя текутъ изъ святаго источника любви? Чѣмъ оправдываются царь и правительство, закапывая тысячи людей живыхъ въ землю? дико выговорить—*печальной необходимостью!* Земля промокла кровью до центра черезъ эту удивительную, печальную необходимость. Загляните въ историческую тьму, въ дантовскій адъ прошедшаго—Калигула, Неронъ, Тиберій, Гелиогабалъ, Ричардъ III, Генрихъ VIII, Филиппъ II, Альба, Пнокентій III, Борджіо, Шахъ Надиръ, Іоаннъ Грозный, Павелъ и проч., и проч. Все это невинные продукты печальной необходимости! Если бы меня попросили изобразить въ аллегорическомъ образѣ „печальную необходимость“ я бы изобразилъ ее въ видѣ индѣйской богини Кали: все ея тѣло темносинее, ладони красныя—знакъ жажды крови; у нея четыре руки—двумя загребать жертвъ ей недостаточно; языкъ опухлый, виситъ до пояса—знакъ, что черезъ чуръ много сожрала жертвъ; къ ея поясу прирѣплены невкусныя руки ея вкусныхъ жертвъ; шея украшена не алмамантами, а низзяпыми человѣческими черепами.

Служители необходимости говорятъ, что пойманныя тайныя общества грозили цѣлости государства. Если тайное общество, какихъ бы оно размѣровъ ни было, можетъ перевернуть государство, то такое государство—созрѣвшій нарывъ, къ которому стоитъ только коснуться ланцетомъ и гной приснетъ, такое бизсильное, неустойчивое, мизерное царство— китайскій, игрушечный болванчикъ.

Неужели въ высшихъ государственныхъ сферахъ до этихъ поръ, не смотря на печальные уроки, царить такое геркулесовское невѣжество, что они, правители и ревнители, не знаютъ, что серьезныя перевороты не могутъ быть на линію отвратимы остервенѣлымъ палачествомъ? Казните мучительною казнью себя, если управляемое вами государство такъ плохо, что довольно одного дуновения, чтобы перевернуть его!

Есть! мудрые администраторы знаютъ все это, но ихъ „идравъ“ черезъ чуръ разнузданъ на полной свободѣ; они хотятъ по почамъ врывать въ квартиры заподозрѣнныхъ, ломать полы, стѣны, переворачивать все вверхъ дномъ; хотятъ сѣчь, бить, мучить, ссылать, залѣзать въ чужую частную жизнь и бушевать въ ней, какъ въ кабакъ; хотятъ строить вавилонскія башни изъ пакостей, разбоя, невѣроятныхъ низостей, и при этомъ желаютъ всеобщей благоговѣнной благодарности и пламенныхъ просьбъ продолжать, не стѣсняясь!... Нецензурная, правдивая исторія из-

реветъ злой приговоръ надъ Александромъ II, царствующею пѣврою. Тамъ, гдѣ 85 милліонами имѣть безуміе и дерзость управлять однимъ самодержецъ, такой достойный спиртовой банки самодержецъ отвѣчаетъ за все...

Бѣдная, жалкая моя родина! скотски безропотно споснишь ты все сильѣе и сильѣе разгуливающіеся ужасы; безсильна ты, какъ больной младенецъ! Единицы, сброшенные съ себя рабскія кандалы, стрихнувшія съ себя вѣковую летаргію, съ ужасомъ отрекшіяся отъ своего прошлаго, пнуть и гибнуть за тебя, и ты мутнымъ взоромъ провожаешь ихъ на гибель, не шевелишь агрофированными членами! Бѣдная, жалкая родина! не духъ свободы, не сознаніе человѣческихъ правъ горять въ тебѣ, а безграничная, какъ твое пространство, лакейская угодливость!!...

Теперь полюбуемся подвигами царя-реформатора въ области умственной жизни. Реформы въ полномъ смыслѣ радикальныя! умственная жизнь схоронена. Царь-освободитель можетъ смѣло сказать: „Ни одинъ честный писатель, честный труженникъ не были мною забыты, и ихъ содержалъ и содержу въ убытокъ себѣ въ моей громадной Петропавловской гостинницѣ; за служеніе добру и истинѣ я ихъ тяжеловѣстно награждалъ кандалами, и самъ надѣлъ на ихъ головы страдальческіе вѣнцы; я никого не забылъ. Помѣщеніе и содержаніе въ моихъ гостинницахъ роскошныя: самыя свѣтлыя или сгнилы, или догнивають!“

Самое крупное умственное убійство, самое позорное злодѣяніе Александра II — ссылка на каторгу П. Г. Чернышевскаго. Правительство ясно почувствовало, что такого мощнаго бойца, какъ Чернышевскій, трудно направить по тропинкѣъ благочестія; пропія его была остра, какъ бритва, его трезвый умъ не шелъ на компромисы, его взгляды черезъ чуръ рѣзко расходились съ доморощеннымъ, дозволеннымъ либерализмомъ. Нужно было расправиться сурово, по-азиатски съ личностью писателя, смѣящаго жить глубоко-самостоятельною умственною жизнью! Чернышевскій, зная нѣкоторую повадливость нашего монарха къ человѣчьему мясу, былъ необыкновенно остороженъ; не смотря на остроумнѣйшія искиренія, его не сдумали поймать въ законный, волчій капканъ, и прибѣгли къ излюбленнымъ, незаконнымъ средствамъ: правительство пустило въ ходъ подлогъ и доношительность; эти два универсальныя средства не могутъ не удался. Въ 1862 году за минувшую прокламацію къ крестьянамъ онъ былъ засажень въ Алексѣевскій рavelинъ; въ 64 году надъ нимъ изрекли приговоръ. Чернышевскій, подкосившій свое здоровье неутомимымъ умственнымъ труженничествомъ, былъ приговорень къ восмилѣтней каторгѣ и вѣчному поселенію въ Сибири! У кого тлѣетъ хоть искра души, пойметъ, что вынесъ этотъ невинный мученикъ, съ громадными умственными потребностями, съ жаждой жизни и дѣятельности 16 лѣтъ захлопнутый въ своемъ каменномъ гробу! Есть нравственныя страданія до того ужасныя, что передъ ними тускнѣетъ распятіе, прокатываніе по гвоздямъ кажется отдыхомъ.

Въ 1862 году Писаревъ за невинную ненамертанную прокламацію былъ засажень на 5 лѣтъ въ Петропавловскую крѣпость. Пять лѣтъ одиночнаго заключенія равны десяти годамъ каторги, самые сильные организмы кончаютъ сумасшествіемъ. Когда тюремщики замѣтили полное разрушеніе его здоровья и роковые признаки разыгрывающагося сумасшествія, они выпустили его на свободу; послѣ пятилѣтняго заключенія онъ наслаждался свободой въ больницѣ. Изъ больницы онъ уѣхалъ лечиться холодными морскими купаньями и утонулъ отъ прилива крови въ голову.

Въ 1861 г. 14 декабря Михайловъ, за свое святое воззваніе къ молодому поколѣнію, былъ приговоренъ къ 6-лѣтней каторгѣ; счастливецъ! его слабый организмъ быстро зачахъ отъ убійственнаго обращенія, убійственнаго холода, тяжелыхъ дѣней. Онъ умеръ, по мнѣнію многихъ, послѣ тѣлеснаго наказанія, но это обвиненіе до того ужасно, что мы готовы не довѣрять слухамъ и думать, что этотъ рассказъ — сказка про людодѣдовъ.

Мартыновъ за свое пламенное сочиненіе: „Земскій царь“ былъ сосланъ на каторгу; его сослали за вѣру въ царя, какъ въ освободителя. Удивительнѣйшее царствованіе! не вѣрнѣе въ царя — вѣчная Сибирь, черезъ чуръ вѣрнѣе въ царя—тоже вѣчная Сибирь! все измѣряется отечественнымъ градусникомъ, вѣчно стоящимъ на полѣ.

Щановъ, профессоръ казанскаго университета, даровитый ученый и писатель, сосланъ на поселеніе въ Иркутскъ за книгу „Земство и Расколъ.“ Оторванный отъ науки, живыхъ людей, самой жизни, онъ тихо угасалъ, его мощное здоровье медленно разрушалось отъ нравственныхъ мукъ, матеріальныхъ стѣсненій; онъ умеръ въ изннаніи въ пору, когда зрѣлый мозгъ болѣе всего способенъ къ широкой, плодотворной дѣятельности.

Флеровскій, авторъ знаменитаго сочиненія: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи.“ Болѣе десяти лѣтъ его швыряютъ изъ одного вертепа въ другой, день и ночь его трапятъ полиція; безъ средствъ, людей, вѣчно оскорбляемый, мучимый, онъ гнетъ жизнь, какъ волжскій бурлакъ свою бичеву. Тащи, мученикъ, свой собственный крестъ на плечахъ, падай подъ нимъ, обливайся кровавымъ потомъ и помни, что правящая Россіею сволочь не любитъ горькихъ, не вызолоченныхъ илюлю! Зачѣмъ сдернулъ ты повязки съ широко раскрытыхъ ранъ своей родины? Зачѣмъ назвалъ спасителей и освободителей отечества бездушными гробкопателями?...

1866 г. П. Л. Лавровъ, авторъ „Историческихъ писемъ,“ сосланъ административнымъ порядкомъ; суровая доля ждала его, если бы ему не удалось бѣжать за границу.

1866 г. Н. Соколовъ за напечатаніе провиннутаго горечью и правдою сочиненія „Отщепенцы“ былъ засажень на годъ въ крѣпость, а послѣ сосланъ на пожизненное гнѣніе въ Мезень, и только бѣгство за границу спасло его отъ роковой участи.

Въ 1867 г. сосланъ на поселеніе въ Колу Альбертини ни болѣе и ни менѣе какъ за то, что онъ имѣлъ несчастіе быть даровитымъ и честнымъ писателемъ!

Кто же участвует въ неравномъ бою на залитыхъ кровью поляхъ сраженія? Невинные романисты, затанчившіе на дѣѣ души свои симпатіи; критики, рѣвующіеся въ аллегорическомъ просторѣ и ирраціи въ него; сатирики, выше помладуровъ не подымающіеся; лирики, около царя витающіе, но къ нему не прикасающіеся. Участвующая литература на военномъ положеніи, живетъ вылазками; если же явится снова мощная сила, способная не къ вылазкамъ, а къ генеральнымъ сраженіямъ, то такая уметвенная сила неминуемо погибнетъ,—Чернышевскій и Писаревъ намъ тому порукою. Если Александръ не умретъ скоро, вся славянская раса будетъ передумана и останется въ Россіи только омерзительная татарская раса. Если будетъ такъ продолжаться подданство у Зулусовъ будетъ для насъ освобожденіемъ...

Литература идетъ старою дорожкой, съ одной стороны она выполняетъ святую миссію, съ другой ходитъ, на головѣ и четверинкахъ, въ разноцвѣтныхъ заплатахъ, захлебывается отъ усердія, безкорыстно или служа на жалованьи у III отдѣленія.

Но довольно!... я неминуемо устала, измучилась, блуждая по этому необъятному кладбищу, на немъ похоронены прогрессующія силы Россіи, ея свѣтлыя, рано убитыя надежды. Когда я иду, образы измученные, похороненные на тѣни, гремя цѣнами, встаютъ передо мной; на лицахъ многихъ, я съ холодомъ въ душѣ различаю страшную улыбку сумасшедшаго, на меня дико глядятъ смѣющиеся глаза цѣлотовъ; я вижу на ихъ спинахъ лягушечьи рубни, темныя пятна, а вдали, въ зловѣщей темнотѣ, стоятъ все гробы и гробы...

Чувство мучительное уже давно овладѣло моею душою: я сознаю, что людей, влинувшихъ и сознающихъ, мало, отпоръ до ужаса непропорционаленъ давленію, они разбросаны по необозримой Россіи, они несутъ одиноко свои безыльнныя проклятія въ могилу, изнемогаютъ подъ пошею крепкой; но чуть только живая нить начинаетъ вязать разрозненные единичи,—изъ тьмы тянется проклятая, когтистая лапа, затребауетъ ихъ и въ томъ же непроглядномъ краѣ душить...*)

*) Размѣры журнальной статьи и недостатокъ матеріала не позволили мнѣ войти въ подробности; я пропустила очень много частныхъ арестовъ и ссылокъ: провала монотонность событій, нескончаемый мартирологъ утомили бы читателей. Пора окѣнить близжащееся къ концу царствованіе Александра II; пусть читатель смотритъ на мою коротенькую, спастую статью, какъ на очень слабое начинаніе въ этомъ дѣлѣ.

1879 г. декабрь.

П. Алисовъ.